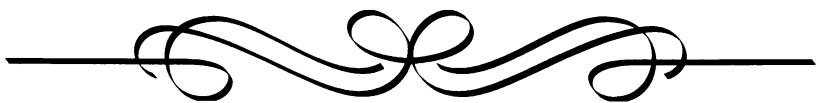

Глава XX

Ям-Запольский мир

Трудности финансового характера, которые испытывал Иван, снова вынудили его искать средства. В начале 1580 года был созван Церковный собор, совместно с царем и боярами принявший постановление о монастырских землях. Сохранились два варианта текста, один из которых датирован 15 января 1580, а второй — 15 января 1581 года. В вводной части отмечается, что Собор заседает в связи с тем, что крымчаки, ногайцы, литовский король, ливонцы и шведы вознамерились искоренить православную веру. С другой стороны, многие монастырские земли оказались заброшенными из-за пьянства и недостойного поведения иноков, в то время как помещики нищают вследствие нехватки земли и рабочих рук и потому не в состоянии служить. В связи с этим было решено, что монастыри смогут сохранить за собой те земли, которые были приобретены до 15 января 1581 года, а после этой даты все взносы на поминование души должны производиться в денежной форме. Монастырям воспрещалось приобретать землю и ссужать деньги под залог земли. Вопрос о принадлежности монастырских земель князьям должен был рассматриваться царем, и те княжеские земли, которые оказались у монастырей, должны были быть конфискованы¹.

Это постановление выражает весьма умеренную попытку наведения порядка, в ходе которого права монастырей на имеющиеся у них земли

были подтверждены, но право на приобретение новых земель ограничено. Эти меры были выгодны для всех светских землевладельцев без различия в их положении и ограничивали церковную собственность, но вопрос о полномасштабной конфискации церковных земель не ставился. Очевидно, Иван не считал нужным переубеждать церковную верхушку. В то же время Горсей приводит, как он говорит, дословный перевод речи Ивана на Соборе с нападка на церковную иерархию, которую он обвиняет в алчности и ненасытности, в стяжании *«колдовством и уговорами»**. Горсей цитирует слова царя, который *«метал угрозы»* духовенству, погрязшему в ужасных грехах: *«обжорстве, праздности, содомском грехе, худшем из худших, с животными»*. Англичанин упоминает также о часто высказываемом Иваном желании распустить монастыри и вернуть их земли знати, которой они изначально принадлежали, чтобы тем самым восстановить *«цветущее положение государства, чему хорошим примером храбрый король Англии Генрих VIII»*. (Английские протестанты особенно резко критиковали русский обычай поминовения в молитвах усопших, поскольку православная Церковь не признает существования чистилища, и следовательно, эти молитвы бесполезны)². Тем не менее можно предположить, что в данном случае суждения Горсея о политическом положении в России окрашены часто высказываемым пренебрежением к русскому монашеству.

Споры по поводу церковных земель были связаны с гораздо более серьезным поводом: аграрным кризисом в Северной и Центральной Руси. У него было множество причин: опричное разорение, бедствия войны, бегство крестьянского населения, неурожай, увеличение налогового бремени, эпидемии, дороговизна и голод. На новгородских территориях кадастровые описи 1580 года зафиксировали снижение численности населения по сравнению с периодом до опричнины и Ливонской войны на 7 процентов; в самом городе она снизилась на 20 процентов в сравнении со временем до разрушительного набега Ивана 1570 года. В Шелонской пятине Новгорода пустовали 91,2 процента земельных участков. По Центральной России показатели были сходными; крестьяне просто бежали в удаленные районы. Налоги постоянно росли. Даже с английских купцов в 1580 году собирали взнос 1000 рублей, а в 1581 году — 500 рублей.

* Здесь и далее цитируется по переводу А.А. Севостьяновой, имеющему небольшие расхождения с цитируемым в тексте английским оригиналом.

Это плачевное состояние хозяйства вызвало спор среди историков, был ли в начале 80-х годов издан указ о «заповедных летах». По традиции крестьяне имели право осенью, в день св. Георгия (Юрия), после уборки урожая и выплаты положенных сборов покидать своих хозяев и находить новых. Однако есть сведения о том, что в 1581/82, 1582/83 и в другие годы десятилетия между 1580 и 1590 годами это право отменялось с целью сократить отток рабочей силы, связанный с переселением крестьян на новые земли и приводивший к упадку сельскохозяйственного производства, а следовательно, затруднявший подготовку служилых дворян к войне. Введение «заповедных лет» считалось первым шагом на пути закрепощения крестьянства, отсюда интерес к вопросу о том, когда они были впервые объявлены. Тщательный анализ источников приводит к выводу, что появление указов о заповедных летах действительно относится к названному десятилетию, но они не были ежегодными и объявлялись от случая к случаю, бессистемно и не распространялись на всю страну. Эта политика, несомненно, вела к дальнейшему закрепощению крестьян, так как следующим шагом после запрета выхода был розыск тех, кто покинул своего хозяина без разрешения, и их насильственное водворение обратно, независимо от срока давности³.

Серьезность разразившегося кризиса стала дополнительной причиной для завершения войны, поэтому осенью 1581 года Иван внутренне смирился с утратой Ливонии и простился с надеждой получить порт на Балтийском море. Во время прощальной аудиенции он обратился к Поссевино с такими словами: *«Антоний, ты поедешь к королю Стефану, передашь ему приветствие от моего имени и заключишь мир по поручению папы. Когда исполнишь это, возвращайся к нам, а твое присутствие всегда будет нам приятно как из уважения к папе, так и из-за твоего усердия при выполнении этого поручения»**. Состоялся очередной обмен подарками. Поссевино получил дорогих соболей, которых принял неохотно и впоследствии использовал для выкупа нескольких пленных. Учитывая, что Поссевино и его спутники ревностно пытались обратить в свою веру всякого, с кем удавалось побеседовать без помех, Иван явно демонстрировал хорошее самообладание в трудных обстоятельствах⁴. Затем царь уехал в Александровскую слободу.

* Здесь и далее цитируется по переводу Л.Н. Годовиковой.

Конвой, сопровождавший Поссевино обратно в лагерь польского короля под Псковом, получил строгий приказ ехать в обход Новгорода, вероятно, для того, чтобы иезуит не увидел разрушений, произведенных Иваном, а возможно, и потому, что царь не рассчитывал на верность новгородцев. 5 октября Поссевино прибыл в лагерь Батория близ Пскова. Неудача штурма города подорвала боевой дух поляков, которые стали тяготиться походной жизнью ввиду ненастной погоды, тем более что у солдат не было палаток, где они могли бы укрыться от снега.

Но хотя обе стороны нуждались в мире, ни Иван, ни Баторий не хотели первыми идти на уступки, и оба не очень доверяли Поссевино, который, по всей видимости, ставил интересы папства превыше выгод договаривающихся сторон в надежде, что заключение мира поможет создать коалицию против Османской империи.

Поссевино изложил перед королем мирные условия, предложенные Иваном, после чего было решено добиваться согласия последнего на возобновление переговоров в деревне Киверова Гора, недалеко от Яма Запольского, примерно в 160 километрах от польского лагеря. Прежде чем было получено согласие Ивана, и встречи начались на новом месте, прошел целый месяц. Представители сторон разместились на некотором расстоянии друг от друга, в шатрах или крайне примитивных и плохо отапливаемых землянках, а переговоры велись в прокопченном жилище, выделенном для Поссевино⁵. Это было первое крупное международное мероприятие с участием России и делегации католической державы, в ходе которого формальную роль играли вырабатывавшиеся в то время на Западе дипломатические условности⁶. Полномочия, данные Иваном его посланцам, были сочтены поляками недостаточными, поскольку краткое уведомление царя о том, что послы говорят от его имени, выглядело явно куцым в сравнении с длинным перечнем прав, делегированных Баторием его представителям. Русские ссылались на то, что таким образом всегда было принято напутствовать послов, и они не считают нужным что-либо менять. Поссевино удалось убедить обе стороны начать формальные переговоры, не останавливаясь на разрешении проблемы об объеме русских полномочий.

Потребовалась вся его гибкость, когда Баторий стал настаивать на передаче ему всей Ливонии, а Иван отверг эти притязания; впрочем, царь постепенно сдавал позиции и увеличил количество крепостей, от которых он был готов отказаться, в то время как Баторий согласился

вернуть некоторые русские укрепления и города (например, Великие Луки), находившиеся в руках у поляков. Трудности возникли, когда Поссевино предложил привлечь к переговорам шведского короля. Это не устраивало Ивана, который собирался после заключения мира с Речью Посполитой вступить в войну со Швецией для отвоевания Нарвы, в то время как Баторий, напротив, хотел, чтобы шведы приняли участие в мирном договоре, что заставило бы их воздержаться от дальнейшего наступления в Ливонии, — польский король считал ее своей. Послы Ивана в данном случае заявили, что в их инструкциях о Швеции ничего не сказано, и этот вопрос обсуждать они не могут.

Из дневника Поссевино явствует, что по мере продвижения переговоров он все больше защищал интересы польской стороны. Он открыто заявлял, что Польша была победительницей в войне, а Россия — побежденной, и поэтому Баторий имеет полное право диктовать свои условия, в то время как Баторий неотступно настаивал на передаче ему всей Ливонии и на исключении ее названия из царского титула, чтобы предотвратить дальнейшие притязания царя на некогда принадлежавшие ему земли. Поссевино, естественно, сознавал, что включение Швеции в мирные переговоры выгодно Польше⁷. Однако русские заявили, что так как шведские представители отсутствуют, то не с кем и разговаривать, к тому же они не могут уступить Баторию всю Ливонию, реально не владея ею, — впоследствии послы попытались истолковать эту ситуацию в свою пользу.

Споры о том, какие крепости будут возвращены, перемежались угрозами прервать переговоры, так что Поссевино выбивался из сил, чтобы не допустить этого, и иногда чуть ли не силой принуждал стороны к соглашению. Вопрос об обмене пленными снова привел к взаимным обвинениям. Русские предлагали, чтобы стороны отпустили всех пленных; поляки хотели вести равноценный обмен (солдата на солдата, командира на командира). Они потребовали также освободить всех купцов и ливонцев, удерживаемых в России с начала войны⁸, а русские хотели, чтобы поляки перестали угонять русских крестьян в Литву.

По собственной инициативе Поссевино вмешался в вопрос о царском титуле, который во многих отношениях являлся ключевым. Русские делегаты не смогли добиться включения в текст договора титула «царь» или «император»; Поссевино пытался убедить их, что такой титул может быть пожалован только папой. В этой связи он затеял спор

с русскими по гораздо более важному, с его точки зрения, вопросу, причем ход этой дискуссии отражает ту пропасть, которая разделяла стороны как в плане толкования понятий, так и в отношении к восприятию статуса. Поссевино объяснял, что титул *«императора всех христиан»* был перенесен на Запад в тот момент, когда *«византийские императоры отошли от католической веры»*. Если великий князь *«хочет называться законным титулом и получать законные почести, пусть он поведет об этом переговоры с верховным первосвященником на том же основании, что и другие христианские государи, которые знают, что дело казанское и астраханское не так значительно, чтобы давать за это титул как бы нового цезаря, императора и короля»*. Если он называет это *«цезарь»*, то под этим словом подразумевается *«царь»*, а не *«цезарь»*, диковинное понятие, позаимствованное у татар для того, чтобы приблизить свое звание к королевскому титулу других монархов⁹. Возражение русских послов свелось к обычной формуле, гласившей, что императорский титул был пожалован великому князю Владимиру императорами Аркадием и Гонорием (384 — 423 гг. н.э.), но Поссевино отмел ее как нонсенс, поскольку Владимир жил на 500 лет позже. Послы, однако, пояснили, что речь шла о других Аркадии и Гонории, которые правили одновременно с Владимиром (980 — 1015 гг.). Затем русские попросили содействия Поссевино во включении в договор титула *«царя Казанского и Астраханского»*, поскольку это было для них важнее, чем передача Баторию любой крепости, но Поссевино снова отказался, ссылаясь на то, что *«никогда не может прийти в голову польским королям именоваться титулом "татарского" или "турецкого", как будто христианин [может] называть христианского государя «царь татарский»*. Из этих споров явствует, что ни Поссевино, ни поляки не имели четкого представления о происхождении и значении слова *«царь»*, а русские, ясно понимавшие это значение, были не в состоянии провести свою формулировку или не могли в полной мере объяснить ее суть¹⁰.

Наступил новый, 1582 год, и наконец, в ходе четырнадцатого заседания сторон 5 января 1582 года, быть может, из-за того, что переговоры устали, замерзли, страдали от холода, неудобств и недостатка провизии, согласие в общих чертах было достигнуто. Однако оставался еще большой простор для обсуждения способов выполнения условий будущего договора, вывоза оружия и боеприпасов из оставляемых

каждой из сторон крепостей, перевода из Литвы и Ливонии в Россию православных священников и церковного имущества и, разумеется, обмена пленными. Однако новое обострение ситуации, спровоцированное самим царем, о чем речь пойдет ниже, привело к ускорению переговоров. Их дальнейший ход облегчался благодаря полученному от него письму с более подробным разъяснением полномочий, данных его представителям. Но хотя царь был, возможно, и новичком в области установившихся правил дипломатии, он (или его советники) выказали неожиданную искусственность во всех ее хитростях.

Когда почти все детали были согласованы и шло постатейное обсуждение проекта договора, представители Ивана внезапно потребовали включить в него дополнительный пункт о том, что царь уступает полякам Ригу и Курляндию, которыми на деле он, разумеется, не владел. Но здесь-то и крылся подвох, потому что, уступая по договору эти территории, царь присваивал себе на это право и, следовательно, подразумевал, что он является их законным собственником. В других обстоятельствах он мог бы предъявить эти права и потребовать их обратно. Поссевино не попал в ловушку и, угрожая, что Баторий прервет переговоры, убедил русских снять свое новое предложение. Другая их уловка тоже сорвалась: они хотели включить в текст заявление о том, что передаваемые Баторию крепости изымаются из родовых вотчин Ивана, а это могло бы также послужить поводом для притязаний на ту часть Ливонии, которая не была отдана Баторию. Поссевино снова пустил в ход свои чары, и 15 января 1582 года договор был, наконец, подписан.

В нем говорилось, что Россия и Речь Посполита будут соблюдать перемирие на протяжении десяти лет, причем Иван уступает все принадлежащие ему ливонские земли, Полоцк и соседний с ним укрепленный пункт Велиж на левом берегу Двины; Баторий же возвращает России безвозмездно все остальные русские крепости, завоеванные поляками. Иван титуловался царем только в русском тексте трактата. Решение прочих второстепенных проблем было отложено для дальнейшего рассмотрения. О взаимоотношениях России и папства и об Османской империи вообще не упоминалось.

Так развеялась великая мечта Ивана об империи на Балтике и об обретении выхода к морю, ради которой было пролито столько крови и истрачено столько средств. Попытки русских удержаться на побережье были обречены на неудачу из-за необходимости послать войско

для защиты Казани от нападения татар, и владения царя на Балтийском море свелись к небольшому пятачку близ устья Невы, права на который были подтверждены затем и русско-шведским мирным договором, подписанным в августе 1583 года¹¹.

Но царь прекрасно понимал, что контакты с Западом через польскую Ливонию будут невозможны, поэтому ему оставалось только вернуться к северному пути, и на повестку дня встал вопрос о строительстве порта в Архангельске. Дорога по суше, лежавшая через земли Речи Посполитой, зависела от милости польско-литовского короля.

Поссевино собирался вернуться в Москву и отчитаться перед Иваном, поэтому 14 февраля он покинул Киверову Гору. Однако за это время царь пережил тяжелейшую трагедию. На собственном опыте ему пришлось испытать то горе, которое он так часто причинял другим. В ноябре 1581 года в Александровской слободе погиб его сын Иван Иванович, причем погиб от руки отца. Это событие могло подтолкнуть его к принятию унижительного мира, внушив Ивану ощущение бесполезности дальнейшей борьбы. Охваченный внезапным приступом бешенства оттого, что кто-то осмелился перечить его воле, царь нанес удар посохом в висок собственного сына. Через несколько дней Иван Иванович умер, а у его беременной жены случился выкидыш.

Судя по описаниям, Иван Иванович был статным, хорошо сложенным молодым человеком. Горсей изображает его как *«мудрого, мягкого и достойного царевича [the prince], соединявшего воинскую доблесть с привлекательной внешностью, ... любимого и оплакиваемого всеми»*¹². В другом источнике говорится, что Иван Иванович *«сиял мудрым смыслом»*¹³. Он не только был грамотен, но и, как считается, написал в 1578 году житие св. Антония Сийского, а также похвальное слово тому же святому в 1580 году¹⁴. По-видимому, Антоний был хорошо знаком с его матерью царицей Анастасией. Но большинство иностранных авторов видят в Иване Ивановиче копию отца; царевич проводил слишком много времени вместе с отцом в застенках, он участвовал в бурных застольях в Александровской слободе и даже в ужасных казнях июля 1570 года. Один из наименее заслуживающих доверия чужеземных писателей, который никогда не был в России и заимствовал свои сведения у других, отмечает, что Иван Иванович, *«совершенно подобный отцу жестоким нравом»*, разгуливает по телам казненных и *«пронза-*

ет их мозг острием железной палки»^{*15}. Последней женой царевича была Елена Шереметева, происходившая из неудобной царю семьи. Следует напомнить, что Иван Шереметев-большой был арестован, подвергнут пытке и, наконец, пострижен в Белозерском монастыре под именем Ионы, и в своем письме 1573 года к инокам этого монастыря Иван упоминает как раз его. Его брат Никита был казнен. И.В. Шереметева-меньшого царь подозревал в изменнических сношениях с крымскими татарами, но его репутация была восстановлена, когда он погиб под стенами Ревеля в 1577 году. Оставался еще младший брат Федор, отец** жены царевича Ивана Ивановича Елены, который попал в плен к литовцам в 1579 году, а, возможно, и дезертировал, потому что, по слухам, он принес присягу Баторию¹⁶.

Карамзин приводит несколько разных версий ссоры между царем Иваном и его сыном Иваном Ивановичем. Последний якобы обвинил отца в трусости и хотел возглавить войско, чтобы отбросить польско-литовские силы от Пскова. По другой версии, собравшиеся во Владимире служилые дворяне потребовали, чтобы Иван Иванович занял место главнокомандующего вместо отца и изгнал врага. Царь пришел в трепет, полагая, что его сын и подданные взбунтовались, он вышел к народу, сбросил с себя венец и порфиру и объявил о своем отказе править мятежной толпой. Иван перечислил все, что он сделал для народа, и громогласно выкрикнул: *«Выберите себе другого царя, который сможет править вами!»*¹⁷. Однако все эти версии не опираются на документальные свидетельства, к тому же маловероятно, чтобы Иван мог убить своего сына в припадке гнева, вызванного желанием последнего попытаться военного счастья, покинувшего его отца¹⁸.

Гораздо более убедительное объяснение ссоры приводит Поссевино, который имел доступ ко многим людям при дворе, был в курсе придворных слухов и знал врача, лечившего Ивана Ивановича, а его переводчик служил также царевичу. Поссевино приехал в Москву через два месяца после смерти царевича, когда впечатления о событии были еще свежими. Согласно Поссевино, царь застал свою беременную невестку в ее покоях сидящей на лавке в легкой одежде, хотя московские дамы из

* Пер. с латинского Г.Г. Козловой. Первая (латинская) цитата и английский перевод в тексте неточны. Вторая цитата у Карамзина дана так: «вонзая им в голову острый конец своего жезла».

** В действительности, дядя (см. прим. 40 к главе XIX).

знатных семей должны были носить не менее трех предметов платья. Иван отругал ее и нанес несколько пощечин*, на шум прибежал царевич и попытался защитить жену с криком: *«Ты мою первую жену без всякой причины заточил в монастыре, то же самое сделал со второй женой и вот теперь избиваешь третью, чтобы погубить сына, которого она носит во чреве»* (последние слова указывают на то, что запись сделана постфактум). У Елены случился выкидыш, и ребенок родился мертвым. Разумеется, вполне вероятно, что царевича раздражало непоследовательное поведение отца в войне с Речью Посполитой, но установить, было ли это причиной убийства, невозможно. Царский врач, доктор Иоганн Эйлоф, фламандец и, насколько известно, анабаптист, был призван для оказания помощи раненому, поэтому свидетельство Поссевино, записанное вскоре после происшествия, выглядит наиболее убедительным, так как он был знаком с врачом и мог беседовать с ним по-латыни¹⁹. В более позднем письме к английскому послу в России королева Елизавета спрашивает, как могло случиться, что посланный ею в Россию медик *«не был допущен к царевичу и лишился возможности спасти его»*. Возможно, ее беспокоила судьба врача, но на самом деле он приехал слишком поздно²⁰.

Письмом от 12 ноября 1581 года Иван вызвал своего бывшего шурина, Никиту Романовича Захарьина-Юрьева, которому написал, что его сын заболел и находится на смертном одре²¹. На похоронах Иван шел за гробом сына в русском траурном одеянии, то есть в лохмотьях черного цвета, с растрепанными волосами и без скуфьи, которую обычно носили знатные лица. Он перестал надевать короны, драгоценности и дорогие наряды. Царь был подавлен горем; его мучила бессонница, он вставал по ночам и царапал ногтями стены своей опочивальни²². Не говоря уже о том, что убийство сына — чудовищный грех, оно поставило Ивана перед проблемой престолонаследия. Иван Иванович не оставил наследника, Федор Иванович был неспособен управлять, а его жена Ирина, по всей видимости, была неспособна донашивать младенцев²³. Не вызывает сомнений, что несчастье, виновником которого стал сам Иван, чрезвычайно утнетало его душу и могло подтолкнуть его к скорейшему заключению мира²⁴.

Приблизительно в это время снова стали циркулировать слухи о планах Ивана укрыться в Англии, поскольку таковы были его действи-

* У Поссевино сказано, что царь избил невестку посохом.

тельные намерения, и их было трудно держать в секрете. Они вызвали большое недовольство царем. Но после трагической гибели Даниеля Сильвестра и богатой приключениями поездки Горсея Иван был слишком погружен в войну со Стефаном Баторием, чтобы уделять время отношениям с Англией, так что на протяжении следующих пяти лет обмен письмами не зафиксирован. Тем не менее, потеря русскими Нарвы в мае 1582 года привела к повышению важности северной навигации как для Ивана, так и для Московской компании, поэтому по заключении перемирия с Речью Посполитой он мог подумывать о возобновлении переговоров с Англией, чтобы обеспечить себе союзника и путь отступления на случай новой войны.

Англия также была более настроена на переговоры, хотя лично Елизавета могла и не стремиться к заключению соглашения. Она была озабочена восстанием в Нидерландах и не горела желанием ввязываться в военные действия в любой части Европы. Однако торговля с Россией наталкивалась на противодействие Дании, контролировавшей вход в Балтийское море, которая требовала, чтобы английские суда, идущие в бухту Св. Николая, платили ей пошлину за пересечение Зундского пролива, хотя они проходили мимо. В качестве альтернативы датчане требовали признания их главенства в Северном море. Корабли, попадавшие в воды, отделяющие побережье Норвегии от Исландского* моря, должны были платить пошлину и спускать флаг, таким образом, Дания все равно контролировала бы плавание Московской компании и экспорт из России²⁵. Елизавета была не только озабочена претензиями датчан, но и хотела вернуть Московской компании монопольное право торговли с Россией, которым она ранее пользовалась. Эта монополия рассматривалась англичанами как привилегия, полученная ими за открытие северного пути в Россию, но теперь она была нарушена голландцами, которым Иван охотно разрешил вести торговлю на севере.

Ф. Писемскому, который в сопровождении дьяка отправился к Елизавете в качестве посла, 19 мая 1581 года было приказано начать переговоры для создания союза против польско-литовского короля, получения денег и организации военных поставок (к тому времени война еще не кончилась), а также узнать, нет ли в Англии подходящей невесты для царя, вдовы или девицы княжеского сана. Писемский должен был ра-

* Норвежского.

узнать о ее росте, телосложении и основных мерках, добыть ее портрет на дереве или на бумаге, установить степень ее родства с королевой и размеры ее семейства. Если королева станет расспрашивать, к чему это, Писемский должен был сказать, что царь собирается жениться и пока ищет себе невесту, но Елизавета может направить в Россию посла, чтобы договориться обо всем на месте. На вопросы англичан, как Иван может жениться, уже будучи женат, Писемский должен был отвечать: *«Государь наш по многим государствам посылал, чтоб по себе приискать невесту, да не случилось, и государь взял за себя в своем государстве боярскую дочь не по себе; и если королевнина племянница дородна и такого великого дела достойна, то государь наш, свою отставя, сговорит за королевнину племянницу»*. Сватовство по всем правилам для коронованных особ не обязательно. Невеста должна будет креститься (то есть перейти в православную веру) вместе со всеми ее приближенными, которые *«захотят у государя жить на дворе»*. Если же англичане спросят о правах будущих отпрысков этого брака по отношению к царевичу Федору и его наследникам, Писемскому следовало объяснить, что притязания последних нельзя игнорировать, а на вопрос, получит ли дама удельные земли, он должен был отвечать: *«Какие уделы?»*. В случае, если Писемскому не будет разрешено встретиться с невестой или он не получит ее портрета, ему следовало вернуться домой. Инструкции для Писемского были составлены тогдашним фаворитом царя Богданом Бельским и, как ни странно это выглядит, Афанасием Нагим, дядей царицы Марии, а также дьяком Андреем Щелкаловым.

Врач, присланный Елизаветой, доктор Аткинс, известный в России под именем доктора Романа Елизарова²⁶, стал для Ивана источником сведений о наличии подходящей для него невесты — вдовы или молодой женщины, которая состояла бы в тесном родстве с королевой и имела «удельное» происхождение, что было понято как графский титул. Достойный доктор припомнил о леди Мэри Гастингс («Хантис» или «Астис»), племяннице королевы по материнской линии и дочери «удельного князя», то есть графа Хантингтона («Хантинтинского»)²⁷. Писемский прибыл в Англию в сентябре 1581 года и в ноябре был принят Елизаветой в высшей степени любезно в Виндзорском дворце. Однако королева не торопилась, возможно, не будучи уверенной в прочности положения Ивана. *«Государство Московское по-старому ли, и нет ли в вашем государстве между людьми какого волнения [шатости]?»*, — спросила она.

Писемский ответил, что те, в которых была шатость, теперь находятся в твердой руке у государя и служат ему прямо²⁸. Но Елизавета все еще уклонялась от дискуссии, вероятно, ожидая известий об исходе переговоров о мире, которые вел Поссевино. Писемскому было предложено принять участие в охоте на оленей, на что он с некоторым раздражением возразил, что в России сейчас разгар Рождественского поста, и тому, кто не ест мяса, охотиться бессмысленно.

Наконец, в середине декабря начались официальные переговоры, но было ясно, что Елизавета снова не отступит от своей прежней позиции: она не соглашалась на безусловный союз и оставляла за собой право решать, воюет ли Иван за правое дело. Тем не менее, она настаивала на передаче английским купцам монополии на северную торговлю и возвращении неправомерно удержанных с них, по их мнению, налогов (1500 рублей на военные нужды). Тон Елизаветы свидетельствует о понимании ею того, что Иван больше нуждается в ней, чем она в нем, и поэтому она может диктовать условия: *«Что если это может быть исполнено ... ее величество ... забудет обо всем, что было в прошлом ... и снова станет надежным другом Ивана»*²⁹. Иван наотрез отказал англичанам в исключительном праве доступа в порт Св. Николая на том основании, что он волен принимать в своих гаванях любые чужеземные суда; он не согласился с тем, что это было бы достойное вознаграждение Англии за открытие северного пути, ибо таким вознаграждением уже было исключительное снижение ввозной пошлины на 50 процентов.

Елизавета, однако, согласилась на просьбу Ивана направить к нему посла, правда, ее выбор пал на малопригодного для этой цели человека, сэра Джерома Боуса, отличавшегося раздражительным характером и нетерпимым отношением к чужеземцам. Примерно в последних числах мая 1583 года Писемскому было, наконец, разрешено увидеть леди Мэри Гастингс в саду лорда-канцлера. Писемский внимательно рассмотрел ее, сказал: *«Этого гостаточно»* и ушел³⁰. Из сочувствия к своей племяннице Елизавета решила воспрепятствовать заключению брака и поручила Боусу отговорить царя от этой идеи, ссылаясь на слабое сложение и плохое здоровье леди Мэри, а также на ее нежелание расстаться с друзьями. Кроме того, королева сделала новый политический шаг, предложив свое посредничество в переговорах между царем и шведским королем о мире, который для царя в тот момент был вовсе не желателен.

Тем временем Поссевино, прибывший в Москву 14 февраля 1582 года, в марте выехал в Рим. В промежутке он успел обсудить целый ряд второстепенных вопросов, связанных с мирным договором, и свои далекие планы по созданию коалиции против турок в составе России, Речи Посполитой, Римской империи и папства во главе со Стефаном Баторием. По-видимому, он предусматривал даже завоевание России Польшей и, естественно, ее переход в католичество. Однако Батория захват России привлекал больше, чем война с Портой, обрывавшая его хорошие отношения с султаном, который был, между прочим, сюзереном его Трансильванского княжества и разделял его враждебность к Габсбургам. Для Ивана же перемирие не означало мира, и он отнюдь не смирился с мыслью об окончательной утрате Ливонии и Полоцка. В то же время к идее создания коалиции и крестового похода против турок царь относился сдержанно. Вероятно, его поведение объяснялось не столько дипломатической изворотливостью³¹, сколько пониманием того, что Россия была не готова к новой кампании, особенно после того, как был, наконец, достигнут мир с Крымом. Иван, разумеется, не мог сочувствовать широкомасштабным планам Поссевино, если они были ему известны. Пусть все европейские державы включатся в крестовый поход против османов и пришлют в Россию послов с предложением присоединиться к ним, таков был ответ царя.

Несмотря на то, что планы крестового похода против турок оставляли царя равнодушным, мир его мыслей, поступков и чувств был проникнут религиозными мотивами, его дни были заполнены посещениями богослужений, а его жизнь — хождениями на богомолье. Эту сторону уклада средневековой России XVI века современным светским умам труднее всего постичь, особенно учитывая практику постоянного нарушения всех существовавших религиозных заповедей. Иван гордился своим знанием Старого и Нового Заветов, других священных книг, церковной истории и споров, почерпнутым из рукописных экземпляров отдельных книг Библии и апокрифов, сборников различных религиозных сочинений и проповедей, псалмов, летописей и хронографов, переписывавшихся в монастырских скрипториях и продававшихся в монастырях, наконец, из первопечатной славянской Библии 1581 года³².

Интересно сопоставить позицию Ивана с поведением Поссевино в 1582 году. Патер-иезуит намеревался блеснуть своими талантами и

вступить в публичные религиозные прения с царем, чтобы продемонстрировать подлинность римско-католического вероучения. Однако его усилия были сведены на нет бесцеремонным и снисходительным тоном Поссевино, а также, как вскоре выяснилось, донесениями русского гонца, посетившего в 1580 году Вену, Венецию и Рим. Шевригин рассказал Ивану о многих сторонах римской обрядности и внешней политики, которые должны были выглядеть в глазах православных россиян крайне предосудительно. Когда Поссевино, наконец, смог вступить в свой первый диспут с Иваном — всего их было три — в большом зале в присутствии бояр и 100 других знатных лиц 21 февраля 1582 года, царь вежливо приветствовал его и заметил, что жить ему осталось недолго (ему было пятьдесят два года) и день Суда близок. Поэтому он не может изменить свою веру, но позволяет Поссевино высказать, что ему угодно. Поссевино заверил Ивана, что он не собирается вносить никаких изменений в греческую веру, а лишь просит царя восстановить ее в ее первоизданном виде, что приведет к соединению западной и восточной церквей. Он также напомнил, что митрополит Киевский и Всероссийский, грек Исидор, на Флорентийском соборе 1439 года согласился с объединением Церквей, хотя, видимо, забыл добавить или не знал, что за это митрополита арестовали и лишили сана.

Как и во время дебатов с Яном Рокитой, Иван отвечал, что он не хотел бы обсуждать вопросы веры, чтобы не обидеть Поссевино. Но его ответ иезуиту был довольно резким: *«Я не верю в греков. Я верю во Христа»*. Он не считает нужным толковать о соединении христианских Церквей до того, как будет заключен антитурецкий союз между державами, но позволит католикам посещать Россию и совершать богослужения, хотя лишь в частном порядке. И царь, и посол несколько путались в дате обращения Руси. Иван сказал, что христианскую веру принес сюда апостол Андрей по пути в Рим; Поссевино возразил на это, что Италия стала христианской за 1200 лет до того, как на Руси прозвучало само имя Христа.

Иван признал, что православная Церковь признавала некоторых пап, но многие из них вели дурной образ жизни. Но тут спорящие снова не сошлись в вопросе о преемстве папской власти, и Поссевино заподозрил, что Ивану наговаривает на папу некий *«доктор, анабаптист»*, нанятый англичанами (по всей вероятности, фламандец доктор

Эйлоф). Когда царь в гневе воскликнул: *«Римский папа не пастырь»**, Поссевино спросил, почему же тогда царь обратился к нему за помощью для заключения мира с Польшей? Тогда *«государь воспылил гневом и совсем вскочил с места»*, и все подумали, что он ударит священника. Но царь успокоился и, явно пытаясь направить дискуссию в другое русло, сосредоточился на второстепенных вопросах, вытекающих из полученных от Шевригина сведений. Почему папу носят в его кресле? Почему он носит крест на своих туфлях? Почему он бреет бороду? И почему он мнит себя Богом?

Эти вопросы вызвали ропот, но лишь только Поссевино снова просто попытался отвечать на них, царь заговорил о других малозначащих вещах, прежде всего о том, что у католиков кресты иногда свисают ниже пояса, что в России считалось кощунством, или о том, что папа бреет бороду (Поссевино наотрез отрицал это; сам он бороду носил). К счастью, ропот не перерос в возмущение, но для верности Поссевино предусмотрительно причастил своих спутников и *«снабдил святыми реликвиями»* на случай, если московиты набросятся на них**. Русские решили заманить Поссевино в ловушку, намереваясь заставить его посетить православную церковную службу. Тому удалось уклониться, и по возвращении в *«советную палату»* он со своими пятнадцатью спутниками воспел в благодарность за спасение хвалу Богу. Однако перед отъездом Поссевино оставил длинный письменный текст, в котором содержалось *«краткое, ясное и несокрушимое опровержение заблуждений греков и московитов»*. Это был черновик³³. Впрочем, нельзя сказать, что все участники прений проявили подлинное интеллектуальное владение предметом. Единственное, что мы можем уяснить, что Иван в принципе был склонен допустить представителей других исповеданий отправлять их культ в частном порядке, но при желании он мог и сносить их моленные дома, как это было с немецкой кирхой в Ливонской слободе в Москве³⁴.

Царь фактически откликнулся на все просьбы Поссевино по коммерческим вопросам, но непреклонно отвергал малейшие уступки в вопросах религиозной терпимости и строительства католических храмов³⁵.

* В действительности царь высказался не столь однозначно: *«который Папа не по Христову учению и не по апостольскому преданию станет жить, тот Папа — волк, а не пастырь»*.

** Перед вторым диспутом. Вообще, между изложением в тексте и русским изданием записок Поссевино много расхождений, но автор ссылается также не на первоисточник, а на английский перевод.

14 марта 1582 года Поссевино выехал в Рим в сопровождении посланного к императору, папе и Венеции Якова Молвянинова. Единственным человеком, который получил выгоду от этой миссии, был, вероятно, сам Поссевино, чей дипломатический авторитет постоянно возрастал, хотя на деле он не достиг, в конечном счете, ни одной из поставленных целей. Став непрошеным опекуном русской делегации, Поссевино лично позаботился о том, чтобы русские не попали на богослужение в собор Сан Джорджо дельи Скьявони, отданный Светлейшей Республикой православным грекам, в большом количестве населявшим Венецию. Посещение русскими посланцами падуанских бань создало впечатление об их склонности к разгулу, наподобие того, как это было во время пребывания Петра Первого в доме сэра Джона Ивлина в Делфтфорде. Поссевино с самого начала старался предотвратить знакомство русской делегации с картинами Высокого Ренессанса, украшавшими церкви и дворцы изображениями обнаженных святых себастьянов и мадонн, кормящих младенца Иисуса. Он постарался поместить делегацию в уединенном доме, где находилась лишь живопись в духе Фра Анджелико. Но полная изоляция оказалась невозможной, так что русские, пораженные и негодовавшие по поводу распущенности, царившей в католической столице, были вдобавок застигнуты во время драки, вспыхнувшей из-за того, что в них бросали камни. На приеме у папы Поссевино посчитал своим долгом силой заставить русского посла снять свою соболью шапку, встать на колени и поцеловать папину туфлю. Русских обидело то, что папа не пригласил их на пир, как было в обычае у них на родине. Посольство Ивана в Рим оказалось напрасной тратой времени и средств.

Получив инструкции от Елизаветы, о которых было сказано выше, сэр Джером Боус вместе с Федором Писемским 22 июня 1583 года отплыли в Россию, куда они прибыли 23 июля. Боуса сопровождали «*пять английских дворян*» и свита в количестве сорока одного человека. Подробности этого дипломатического эпизода могут быть прослежены по донесению Писемского о его поездке и по столь же полному отчету Боуса, «*князя Еремее*», как его называют в русском документе³⁶. Как это было принято в России, Писемскому разрешили сразу выехать в Москву, а Боуса пять недель продержали в Холмогорах. Боус отмечает, что во время ожидания обнаружили козни голландских купцов, подкупивших ведущих русских должностных лиц и обеспечивших

себе поддержку трех из них, Богдана Бельского, Никиты Романовича Захарьина-Юрьева и влиятельного дьяка Андрея Щелкалова, которого в английских источниках часто называют «канцлером» как главу внешнеполитического ведомства³⁷.

До октября Боусу не было дано формальной аудиенции, но затем в целом он был принят очень любезно: его сопровождал многочисленный вооруженный эскорт, встречали дворяне, наряженные в парчовые одежды, «в богатых мехах, шапки их были усыпаны жемчугом и драгоценными камнями». С самого начала в речах Боуса проглядывают раздражение и нежелание угождать царю. Он отказался передать через Щелкалова письмо, присланное Елизаветой, сказав, «что не к нему послана грамота Ее Величества». Когда Иван спросил его, что сказала королева по поводу его брака с леди Мэри, Боус ответил: «Ничего. О чем ты, государь, спросишь, то королева велела мне слушать да те речи ей сказать». Царь повторил: «Мы хотели бы взять ее за себя, но что сказала королева о том, чтобы она сменила свою веру на мою?» На это Боус отвечал: «Княжна Марья, по грехам, больна; болезнь в ней великая, да думаю, что и от своей веры она не откажется: вера ведь одна — христианская». Иван тогда заметил: «Вижу, что ты приехал не дело делать, а отказывать; мы больше с тобою об этом деле и говорить не станем». И стал порицать доктора «Романа» (Роберта) Аткинса за то, что тот заварил эту кашу, упомянув ему об этой девице, почему царь и писал королеве. Следуя инструкциям, которые предписывали расстроить матримониальные планы Ивана, Боус стал говорить, что леди Мэри — самая дальняя из всех племянниц королевы, что она больна и некрасива, изуродована оспой, и что у королевы есть с десятков девиц, состоящих с ней в более близком родстве. Иван захотел узнать о них подробнее, но Боус отвечал, что у него на это нет королевского наказа и потому он не может их называть.

После столь неудачного начала переговоры об альянсе пошли столь же трудно. Иван побранил Елизавету за отказ помогать ему, пока против него не выступит какое-либо войско. Он рассчитывал, что Елизавета станет его союзницей в войне с Польшей-Литвой и Швецией, но не Данией, и в приступе гнева, вызванного беседой с Боусом, воскликнул, что не считает английскую королеву своим другом. Боус взорвался и «отвечал ему смело и выразительно, что Королева, его повелительница, величайшая в христианском мире государыня, равна

ему...». *«Хорошо, — сказал царь, — что скажешь ты о французском короле или испанском».* *«Истинно, — отвечал посол, — я считаю королеву, мою государыню, столь же сильной, как и каждого из них»,* к тому же ее отец платил императору за его службу. Иван на это сказал послу, что тот *«не посол и что он выгонит его из комнаты»*, на чем разговор и прекратился.

Но хотя Иван и обругал английского посла, он посчитал его поведение доказательством удивительной верности своей государыне и увеличил содержание Боуса, дав ему много еды и напитков. Он все еще собирался жениться на англичанке, хотя Мария Нагая в это время родила ему сына.

В ходе дальнейших переговоров с боярами Боус стал ковать железо, пока горячо, и добился ряда положительных ответов по нерешенным делам, в частности, о погашении налогов на сумму до 1500 рублей и о компенсации за грабеж³⁸.

Но в вопросе о заключении договора никакого прогресса не было достигнуто, и усилия Боуса, направленные на подтверждение английской торговой монополии, натолкнулись на противодействие русских, так как Россия получила новые предложения со стороны Франции и купцов из испанских Нидерландов. Растущее знакомство Ивана с международной дипломатией также не позволяло ему примириться с попытками Англии сохранить изоляцию России. Теперь бояре требовали свободного проезда для русских послов на Запад и для европейских послов в Россию через территорию Англии и Белое море, в то время как англичане категорически отказывались пропускать представителей католических держав через свою территорию. Иван согласился сделать исключение для послов от папы, но настаивал на таком праве для послов других государств. Бояре высказывались таким образом: *«Вера гружбе не помеха: вот ваша государыня и не одной веры с нашим государем, а государь наш хочет быть с нею в любви и братстве мимо всех государей»*³⁹.

Не добившись желаемого от бояр, Боус через доктора Аткинса запросил личной встречи с царем. Но когда Иван его принял, он ничего не мог ему сообщить, хотя и повторял, что в других местах беседовал всегда с самим государем без посредников. Иван кратко отвечал, что у русских не принято, чтобы царь лично вел переговоры с послами (на самом деле, несмотря на утверждение Боуса, такого обычая не было

нигде). Иван не добился от англичанина никаких сведений о десяти племянницах королевы, а больше ему говорить с ним было не о чем. Боус предложил своего рода обмен: пусть Иван вернет английским купцам все их привилегии, и тогда королева присоединится к нему в борьбе против литовцев и шведов; пусть он направит послов с этим известием, и они смогут вместе рассмотреть всех потенциальных невест. Но когда английского представителя спросили, уверен ли он в согласии Англии помочь Ивану отвоевать Ливонию, он пошел на попятный. Благочестие, сказал он, уже помешало Елизавете принять предложенные ей короны Франции и Нидерландов. Действительно ли Ливония — вотчина Ивана? На это царь в раздражении заметил, что не приглашает Елизавету в судьи между ним и литовским королем, как он называл Стефана Батория, но хотел, чтобы она была его союзницей против последнего. На этом переговоры зашли в тупик⁴⁰.